

Илья Щербинин

Старый Тогур

Повесть о соскользнувшем селе

Илья Щербинин

**Старый Тогур. Повесть
о соскользнувшем селе**

«Издательские решения»

Щербинин И.

Старый Тогур. Повесть о соскользнувшем селе / И. Щербинин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740033-0

Есть много в России тайных мест, наполненных чудодейственными свойствами. Но что случится, если одно из таких мест исчезнет навсегда? История о падении метеорита, тайных озерах и жизни в деревне двух друзей — Сашки и Ильи. О первом подростковом опыте переживания смерти близкого человека.

ISBN 978-5-44-740033-0

© Щербинин И.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие автора	6
Чистые озера	7
I	7
II	8
III	11
IV	12
V	15
Знамение	17
I	17
II	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Старый Тогур
Повесть о соскользнувшем селе
Илья Щербинин

© Илья Щербинин, 2016

© Илья Щербинин, фотографии, 2016

ISBN 978-5-4474-0033-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

Истории, которые здесь описаны, действительно были, их рассказал мне мой друг писатель Николай Витальев. Когда же я его спросил, почему он сам их не напишет, то он ответил, что не может, так как пишет труд всей своей жизни. Так и появился Старый Тогур: село не маленькое, но и не очень крупное, среднее, и житель тоже средний, как везде в России.

Велика и угрюма наша Россия, странна, мятежна, непостоянна.

В одну минуту готов подняться её славный народ, и так же в одну минуту затихнуть ни с того ни с сего. Велики люди российские душой и помыслом; велики делами истинными и слабостями вековыми, велики верою в лучшее будущее да в «царя батюшку».

Огромна и бесконечна земля Русская: сколько людей хороших возрастила, сколько тайн открыла, и сколько еще спрятано, всего не перечесть. Добру учит нас она, истине и простоте. Разбрелись по деревням да городам люди русские: правду в народ нести; с делом ли с помыслом, но растворились они в общей массе человеческой...

Чистые озера

I

Вечерами, когда на изрядно заросшую реку Ангу опускалось солнце и погружалось в её сирые воды; когда пастухи пригоняли деревенских коров с пастбища, неся за спиной изрядно похуевшие за день рюкзаки; когда деревенские мальчишки толпами валили к реке, кто искупаться, а кто и по родительскому наставлению; за кормилицей своей, коровой Мартой, приходил древний старик. Кто он и откуда никто не ведает, словно был он всегда частью этой земли, вечной, как природа.

Подойдет к реке, посмотрит куда-то в даль, за неё, вздохнет и присядет на одну из старых лодок разбросанных по берегу. Долго, долго, пока не появятся за рекой пастухи, будет он всматриваться в ярко-алую от света заходящего солнца небесную кайму, и лишь услышав зов своей Марты, медленно, точно приходя в себя после долгого сна, привстанет и подойдет к орде мальчишек, толпящихся у переправы.

Вот из-за леса показывается стадо: уставшие коровы, еле волокущие домой ноги и молодые бойкие бычки не желающие упускать момент. Вот один рыжеватый гонит впереди всего стада годовалого пегого бычка. Тот вдруг разворачивается навстречу неприятностям, и дело принимает противоположный оборот. Пастухи идут следом медленно, спокойно и лишь изредка, не обращая внимания на усталость, то один, то другой спешит разогнать бычков-забияк, пока в их незатейливые игры не включилось все стадо. Завидев встречающих, коровы принимаются дружно петь приветственный марш и, надрывая связки, врываются в воду, разрезая ее острым клином.

Старик встретит свою Мартушу у переправы, даст хлеба и кусок сахара, посмотрит в её блестящие глаза, поцелует в лоб и скажет: «НУ что, пойдём...» Корова тряхнет головой и медленно потянется вслед за стариком, время от времени подставляя свой бок ему под руку для опоры.

И идут они, постепенно растворяясь в вечернем тумане, пока не исчезнут вовсе, словно их и не было.

А деревня еще долго шумит и бурлит, не обращая внимания на уходящих неизвестно куда старика и корову. Привыкли...

II

Была тихая лунная ночь. Небо сплошь усыпанное мелкими звездами дышало пустотой и обволакивало млечным полотном небесную хозяйку. Она же заглядывала в окна домов и приносила людям покой, даря им детские воспоминания. Луна долго долго блуждала по небу, пока вдруг у очередного окна не замерла, наблюдая за молодым парнем, и в этот момент все светила замерли вместе в ней. Парень метался во сне и кричал: «Помню! Помню! Помню!», и луна вошла...

«Восьмилетний Костя на всей возможной скорости сбежал со склона холма и посмотрел в даль, на берег реки.» Кажется, не опоздал», – думал он, и принимался еще быстрее работать ногами. Все чаще и чаще, а ноги, точно специально, сопротивлялись и не слушались. И вкручивались в землю, поднимая столбы пыли такой высоты, точно бежит конь, а не человек.

Обливаясь потом, задыхаясь от бега, Костя ворвался в самую гущу толпы деревенских мальчишек, прошел её насквозь, не успев остановиться, плюхнулся в воду и немедленно отведал «вкуснейшей» речной водички. Кто его вытащил и поставил на ноги, он не помнил, помнил только, что стоял в кругу смеющихся пацанов, красный как рак, не в силах сказать ни слова. Он молчал, а мальчишки смеялись, и смех этот был подобен скрежету гвоздя по стеклу, и Костя не выдержал, развернулся и пошел сел на одну из алюминиевых лодок. Во рту остался неприятный вкус, точно пожевал рыбьей чешуи, и как не старался мальчик, он не смог от него избавиться. Окружающие же продолжали умирать со смеху, поглядывая на него.

– Эх, где же моя Мартуша, – услышал он за спиной и обернулся: на соседней лодке сидел странный старик: седой, как лунь, с огромными зелеными глазами и морщинистым лицом. Белые одежды его были подобны снегу на горной вершине, искрящемуся на фоне голубого неба, а взор и речь были чисты и прозрачны точно горный ручей. Ему показалось, что от старика исходил какой-то не понятный свет, который проникал и в Костино сознание, и всем своим нутром он захотел узнать этот свет, таким манящим и притягивающим он был.

Мальчик слез с лодки и медленными мелкими шагами пошел к старику, подошел и попытался что-то сказать, но не смог, а просто встал перед ним, пораженный и замороженный этими молодыми сверкающими глазами.

– Здравствуй, тебе что-то нужно, – сказал старик и, улыбнувшись, посмотрел на Костю. Он молчал...

– Ну что ты молчишь?

Костя опустил глаза и, точно провинившийся ребенок, которого долго отчитывали за его поступок, отошел прочь, сел около реки на корточки, и, посматривая исподлобья на воду, стал бросать в неё плоские камни, которые находил у себя под ногами. Почувствовав спиной, как подошел старик, мальчик медленно подошел ближе к воде, тогда Старик протянул руку и погладил его по голове со словами:

– Ну, ... ничего, ... ничего...

И тут Костя заплакал, встал, подошел, обнял старика, точно он самое дорогое, что у него есть, и стал реветь ему в рубашку.

– Ну ничего, ничего..., – продолжал старик

Мальчик стал успокаиваться и вскоре совсем перестал плакать, но отпускать старика ему совершенно не хотелось, и он крепче и крепче вцеплялся в его ситцевую рубашку, божественно пахнущую дёгтем и травами.

– МУ! – раздалось мычание у него за спиной. Он сам не заметил, как развернулся к реке, и наблюдал, как коровы забегают в реку, точно ныряльщики, перед тем как погрузиться в воду. Вот уже и Буренка тянет к нему свою огромную пятнистую морду и просит хлеба. Костя отламывает с полкуска и дает ей пожевать мякиш.

– Пойдем, Буренка, а то бабушка заждалась уже наверно...– говорит он ей,– пойдем родная.

Буренка мотнула головой и пошла вперед, а Костик медленно поковылял следом. Легкий ветерок волновал его душу запахами поля, а он шел, не спеша, и думал: «Как странно, и как особенно пахла рубаха старика – дегтем и лесными травами, он появился, и так хорошо сразу стало, покойно, рядом с ним»

К тому моменту, как небо стало приобретать красновато-фиолетовые оттенки, они уже прошли с четверть пути. Но тут на Буренку что-то нашло, и она как ошалелая побежала быстро вперед и резко рванула в кусты, в самую гущу.

Костя бросился за ней, не разбирая дороги, по кустам, по оврагам, по выбоинам и колдобинам пробирался он с боем. Ветки хлещут по лицу, а он бежит и бежит вперед за ней с одной мыслью: «Только бы не упустить. Господи, помоги!»

Мальчик очнулся, когда уже окончательно стемнело, он просто раз, и оказался в крошечной тьме. Костя вдруг понял, что корову он давно потерял, бежал неизвестно куда, и где находится, не знал абсолютно: всюду в лицо лезли ветки да листья, и ничего не было видно хоть глаз выколи, идеальная чернота.

«Что же делать? Где дом? Чертова корова завела меня неведомо куда. В пустоту...», – думал Костя.

Он пошел на ощупь и вдруг почувствовал ногой воду, ощутил освежающую прохладу и услышал, как где-то впереди что-то плещется. «Но река в другой стороне! Что же это может быть?» – подумал он, и вспомнил, как бабушка рассказывала ему сказки про гиблые озера и про духов светящихся в темноте. Жутковато стало у него на душе, холодок пробежал по спине. Костя присел и стал внимательно и осторожно осматриваться. То справа что-то щелкнет, то слева ухнет сова, то где-то там, за озером, вспорхнет птица, а воздух донесет мягкий шелест крыльев, точно шепот смерти...

И тут вдали показался какой-то огонек...

«Господи, да я бы сейчас все сделал, только чтобы убраться из этого места!», – думал мальчик, и пригибался всё ниже и ниже к земле.

Свет становился все ближе, ближе, он рос, разгорался, задрожали ветки и расступились... Костя было вскочил, но тут увидел, что это был тот самый старик

– Этого еще не хватало, то корова, то теперь ты... Ты что здесь делаешь, а? – сурово спросил старик

– Я... Я корову ищу...– несвязно лопотал Костя.

– Тебя тоже все ищут.

– Я... Я...

– Да ладно ты, я так... – сказал старик и улыбнулся,– пойдем.

Мальчик вцепился в рубаху старика и точно хвостик шел за ним, не отпуская ни на минуту. Долго плутали они по тропинкам, бесшумно ступая по земле. Наконец старик подвел Костю к озеру, зашел в воду и позвал к себе:

– Ну что же ты иди сюда,– приговаривал он,– ну смелей, давай, давай.

– Я здесь постою,– еле слышно шептал Костя.

– Ну что же ты, а? А вроде смелый,– покачал головой старик.

– Да смелый я,– чуть громче сказал мальчик,– смелый.

– Ну так иди же,– протянул старик к нему руки.

И Костя пошел. Вода теплая, как парное молоко, зашептала ему что-то неразборчиво, но потом успокоилась и благосклонно приняла в свои ласковые объятия. Он подошел к старику, тот сбрызнул его лицо водой и сказал:

– Запомни все, что сегодня произошло.

– Хорошо, запомню,– сказал мальчик.

Наконец они вышли на какую-то дорожку, вилявшую, точно змея огромной величины её проложила, и пошли на огонек вдалеке, светивший еле заметно сквозь ветки маленькой звездочкой. Огонек оказался фонарем, горевшим над крыльцом старого, полуразвалившегося дома, около этого самого крыльца смиренно стояла Буренка.

Старик проводил их до окраины деревни и сказал Косте на прощанье только:

– Запомни хорошенько!

– Запомню, – еле слышно отозвался мальчик.

Костя прошел два шага и вспомнил, что не поблагодарил старика, повернулся, но того уже не было... И только утренний густой туман стелился по земле покрывалом.

Когда Костя вернулся домой, бабушка задала ему трепку и спросила, где это он был. На что мальчик поведал ей о ночных приключениях. Бабушка только удивилась, как старик нашел его в темноте на озерах.

– Не знаю, – сказал Костя, – а как старичка то этого зовут, ты случаем не знаешь?

– С Мартой-то который? Пал Палыч Алехин, по-моему. Ух, Костик, да кто ж тебя просил в эти озера лезть, да черт бы с ней с этой коровой. Гиблое это место, внучек, гиблое...

– Не гиблое, запретное, – сказал Костя и отвернулся к стенке.

В печке трещали поленья и засыпать под их треск было одно удовольствие...

– Помню... Помню... – еле заметно губами шепчет Костя... И медленно, успокоенный лунным светом, погружается в глубокий сон. А ночная хозяйка направляется к следующему окну.

III

Эта история началась в одна тысяча девятьсот девяносто первом году. Только что пришедшие к власти демократы, желая показать всем в селе, что и они не лыком шиты и горазды, выполнять обещания, решили воплотить в жизнь один из проектов двенадцатилетней давности. На реке Кеть, которая омывает Тогур, чуть выше по течению, между селом и устьем Анги, построить рыбозавод.

Первым делом надо было построить дорогу к месту будущего предприятия, но ее необходимо было проложить по озерам, где рыбачило население и жили древние легенды, и, чтобы избежать проблем, заместитель председателя сельсовета Владимир Петрович Волков решил замаскировать это строительством дамбы. Чтобы, мол, защитить Тогур от весеннего паводка. Они тихо оформили документы по строительству, договорились со строительной бригадой, только-только собрались приступить, как вдруг в селе нашлись те, кто всерьез забеспокоился за судьбу озер. Этим человеком оказался Матвей Митрохин, в это самое утро он пулей ворвался в кабинет Волкова:

– Ты Что! Ты Что!– кричал Матвей,– Ты с ума сошел! Ты знаешь, что этого делать нельзя!

– Чего нельзя,– невозмутимо спрашивал Владимир Петрович.

– Закапывать озера.

– И что будет? Рыбачить вы там все равно не рыбачите.

– В том-то и дело! А ты знаешь почему?– Матвей почти перешел на истерию,– Потому что они запретные, потому что там похоронены наши предки!

– Чушь, это легенды, на которые я не намерен обращать внимания. Предрассудки.

– Прошу тебя,– почти молил Матвей,– не делай этого, одумайся.

– Ну, во-первых, ты мне не указ, а во-вторых, уже поздно, поезд ушел, документы подписаны.

– Но мы же росли с тобой в одном дворе, я знаю тебя полвека. Почему, почему ты мне не веришь?

– А на чем основана твоя вера? На словах сумасшедшего старика, который умер, даже не додумавшись оставить приемника. Матвей, мы живем в конце двадцатого века. Сегодня природу надо усмирять во благо общества.

– Какого общества?

– Нашего демократического,– кричал уже Волков,– плотина нужнее и она будет построена. Все иди отсюда, у меня разболелась голова от твоих бредней, иди, иди,– и он выставил Матвея за дверь.

Матвей шел по улицам Тогура и психовал, он знал, что ничего не сможет сделать, но не мог не пойти, не сказать Петровичу, предупредить, а его, как собаку выставили за дверь. «Все, – сказал он сам себе, – больше этим не занимаюсь!» Если бы он знал, что демократическая стройка растянется почти на тринадцать лет и завод будет запущен лишь в 2004—м году и что после этого произойдет. Он бы попытался еще, и не раз. Но он не знал. Голова болела, он шел домой спать.

IV

Костя уже двенадцать лет не был в деревне. И вот по стечению обстоятельств был куплен билет и Костик примчался к бабушке в Тогур.

Стояло знойное лето, большая редкость для северной Сибири, и все вокруг жило лишь одной мечтой, мечтой о воде. Пыль на дорогах стояла столбом. И вот на одной из таких дорог из маленькой дребезжащей рейсовой «Газели» вышел Костя и... ошалел. Казалось, что за двенадцать лет мир перевернулся вверх ногами: везде, где когда-то были роскошные поляны, теперь росли кусты и деревья. С трудом отыскав среди них тропинку Костик пошел в деревню.

Он знал, что вся деревня сейчас на реке, встречает коров, и, решив сделать бабушке сюрприз, Костя свернул к Анге.

С горы он наконец увидел то, что оставалось в его памяти с детства: зеленый гладкий, точно шелковый, луг, уходящий в даль, полоска серебрящейся в лучах солнца реки, берег усыпанный народом, за рекой сверкающий зеленою лес, и, надо всем этим праздником природы: солнце, медленно садившееся за деревья.

– Ну вот я и дома, – сказал Костик и побежал к реке.

И он летел упоенный блаженством счастья созерцать все это великолепие, близкое его сердцу.

Еще на подходе к реке Костя понял, что коров еще не было, и потому быстро стал искать бабушку, попутно здороваясь со всеми подряд, но естественно, что мало кто мог его вспомнить. Наконец, поздоровавшись со всеми по третьему разу, он понял, что бабушки среди них нет.

«Видимо еще не пришла», – подумал Костя и присел на лодку...

Его неожиданно кто-то схватил за плечо так резко, что он аж вскочил и закричал. Это оказался старик. Он несколько не изменился за двенадцать лет: все те же молодые глаза и странная улыбка.

– Здравствуйте, – сказал Костя.

– Помнишь? – спросил старик.

– Помню, – ответил Костя и обнял старика крепко. Тут его окликнули, он сказал старику: «Я сейчас!», – и отошел.

– С кем это ты говорил, – спросил малый лет восемнадцати, Паша Митрохин.

– Ну ты даешь! – удивился Костя, – с Пал Палычем.

– Не знаю я никакого Пал Палыча, – настаивал Паша.

– Дак ты ж всю жизнь здесь живешь, и что Пал Палыча не знаешь? – спросил Костя и повернулся в сторону старика, старика не было, – Но..., он же был...

– Да не было там никого, – настаивал Митрохин, и добавил, – а бабушку свою не жди, иди домой скорей, она сегодня тебя ждала, и потому корову не выгоняла.

Ошарашенный произошедшим, Костик пошел в деревню. Бабушка Антонина Васильевна сама вышла его встречать на улицу. За год, который они не виделись, после того как она гостила у них в городе, она сильно постарела. Что-то было особое в её старческих глазах, что-то вечное и верное.

– Ну здравствуй, внучек.

– Здравствуй, баба.

Бабушка повела его в дом:

– Вот здесь будешь спать, а здесь раскладывай свои вещи.

– Баб, я сейчас на реке был..., – начал было Костик.

– А что это ты там делал?

– Ну, думал, что ты за коровой пойдешь.

– А, ну конечно, понятно.

– Баб, а что стало с тем стариком, который меня с Буренкой с озер вывел?

– С пал Палычем – то?

– Да...

– Дак умер он двенадцать лет назад, как ты уехал, так он дней через девять и умер.

– Я видел его сегодня на реке, – сказал Костя.

– Да не может быть, померещилось.

– Не знаю, не знаю, может и померещилось, но как-то уж все было очень по настоящему, особенно его вечное «Помнишь».

– Да... – только и смогла выговорить бабушка и пошла собирать внуку на стол поесть после долгой дороги.

Дни летели за днями, по-летнему беззаботно и весело, и к разговору о старике больше не возвращались. По-деревенски безмятежно просыпался он поутру, потягивался, и шлепая голыми ногами по деревянному полу подходил к холодильнику, доставал банку ледяного молока, надоевшего бабушкой вчера, и пил пока не насытится. Вечером же когда жара начинала спадать и солнце уже не так пекло, как в полдень, а лишь щадящее дарило свои теплые лучики, с ордой деревенских мальчишек бегал он купаться на Ангу.

Но однажды ночью, в самом начале июля, ему приснился сон: старик стоял у того самого озера, где он был с ним вместе, грозил ему пальцем и говорил: «Помнишь?! Помнишь?!?»

– Да помню!!! – Закричал Костя и проснулся. Была поздняя ночь, луна щедро дарила свой свет и воздух сиял и переливался в ее лучах, казавшихся из-за оконного стекла мраморно-мертвыми. Но стоило открыть окно, и ночь ожила и заполонила комнату запахами и звуками умиротворения. Костя успокоился и заснул.

Утром он спал долго.

– Вставай, засоня, эдак можно и до вечера проспять, – сказала бабушка, – иди, умывайся и скорее к столу, я блинчиков горячих напекла.

После этих слов Костя моментально слетел с кровати и кинулся к умывальнику. Он безумно любил есть горячие бабушкины блины со сметаной, запивая холодным молоком. Наконец, наевшись вдоволь, он решил спросить:

– Баб, а что сейчас на озерах делается?

– Дамбу строить начали, чтоб река весной деревню не топила, – сказала Антонина Васильевна

– Подожди, как дамбу? А дом старика? – ужаснулся Костя.

– Да снесли его пару дней назад, да кому он нужен, сарай, а не дом. И притом на гиблых озерах. Дамба деревне нужнее, чем эти озера, ... хотя жаль, твой дед там, в юношестве, рыбачил.

– А потом?

– Потом в деревню пришел и поселился, неизвестно откуда, один человек, он сказал, что эти озера – озера предков, что они священны и ежели кто посягнет на них, будет проклят природой навеки. Люди сначала не поверили и продолжали рыбачить, но на озерах стали пропадать сначала рыбаки, а потом и всякий кто случайно забредет. Там же пропал и твой дедушка Максим. Человека обвинили в колдовстве и велели ему переселиться из деревни в другое место. Он собрал все свои пожитки, уехал на озера и стал смотрителем тех мест: всякого, кто забредал, находил и выводил с озер. Не прошло и десяти лет, как люди забыли про исчезнувших рыбаков и странного человека. Они назвали озера запретными, да сказку придумали про то, что хранитель, мол, приставлен природой, и род его никогда не прекратиться, и будет вечным, как эти озера. Много воды утекло с тех пор. Много изменилось, и старик медленно и верно снова вошел в доверие к людям. Стал вместе со всеми гонять коров, собираться на общие посиделки к Агафье Тихоновне, хотя разговаривал мало, а чаще сидел в углу, и смотрел, как люди веселятся. А вот умер, оказалось, что врали легенды – не оставил приемника, и некому теперь людей на озерах беречь. Вот такая история.

– Вот оно что!– вскочил Костя с места,– Бабушка, я пошел, погуляю – сказал он, прыгнул в кроссовки и был таков.

– Зонт бы взял, а то, кажется, сегодня дождь будет, – только и успела крикнуть ему вслед бабушка.

«Вот что хотел от меня старик. Вот что я должен был запомнить. Вот откуда все эти кошмары. Вот ответ. Но... что же мне теперь с ним делать...» – думал Костя, и понял, что надо вернуться на озера, пока не поздно.

V

Рано-рано утром бригадира рабочих Егора Дурова вызвали в сельсовет с временным отчетом по строительству.

– Ну, и что вы сделали за неделю?– спросил Волков

– Ну, чего,– начал, скрипя голосом, бригадир,– дом убрали, подъезд для техники расчистили, готовимся приступить к зарыванию и осушению озер, путем откачки воды и засыпания различными слоями грунта.

– И это все?– ревел Волков,– да вы уже два дня, как должны зарывать эти озера!

– Ну а мы причем?– смеялся Дуров,– погода не летная.

– Ага? Погода? – ехидничал Владимир Петрович,– знаю я вашу погоду! Вам бы лишь повод найти, да компанию теплую!

– Да не, мы ни-ни.

– Ладно,– командовал Волков,– значит так, сегодня же приступить к ликвидации озер, и если вы мне их за три дня не зароете, я с вас шкуру спущу, понятно?

– Это не возможно,– опешил бригадир,– там работы на пять дней.

– А вот надо было в график укладываться,– резюмировал Волков,– Все, иди, работай.

И Дуров в угрюмом расположении духа пошел к своей бригаде, отдавать приказ, работать в авральном режиме.

Страшную картину увидел Костя, добежав до места: всюду бульдозеры и экскаваторы, вывороченные с корнем деревья, доски и грязь, и только сами озера пока были не тронуты. Но машины делали свое дело...

Небо, как по велению свыше, затянуло черными тучами, начался страшный ливень, он хлестал Костю наотмашь по рукам и ногам, бил по лицу и подгонял вперед. Костя подбежал к группе рабочих, которые начинали засыпать одно из озер и прыгнул на ходу к экскаваторщику в кабину:

– Дяденька, этого нельзя делать, понимаете?!!

– Парень отстань!– ревел Дуров

– Дяденька эти озера они..., они..., особые...!!!

– Парень, не выводи меня!!! Уйди.

– Они живые...

– Уберите от меня этого парня, он мешает мне работать.

– Дяденька!!!

Тут на Костю сзади набросились два дюжих молодца, скрутили его и спустили на землю.

Костя же брыкался и кричал :

– Отпустите меня!!!

Экскаваторщики собрались вокруг и тот самый, в кабину к которому влез Костя, сказал:

– Что же это ты делаешь гаденыш? Ты почему людям работать мешаешь?

Ты вообще кто такой?

– Я... Я... никто

– То-то же.

– Но вы можете подождать два дня, не зарывать озёра. Я докажу вашему начальству, что этого нельзя делать.

– Извини, парень, не могу, у меня план.

– Но, что же вы за человек—то

– Уберите его,– рявкнул бригадир.

– Я!.. Я!..

Костю вырубил, ударив гаечным ключом сзади, оттащили от озера и бросили около места, где некогда стоял дом старика, этот сарай дорогой его сердцу.

Черный с ног до головы, промокший до нитки, он сидел на коленях в огромной грязной луже и плакал, ... и небо плакало вместе с ним...

– Прости меня. Прости, – тихо просил он сквозь слезы, но не было ответа.

– Да, я виноват, я забыл, я... я... – он вскочил и крикнул в небо: – Почему ты мне ничего не сказал, ты ведь знал! Слышишь! ЗНАЛ!!! СЛЫШИШЬ!!! ЗНАЛ!!!!!!

И небо ответило, ответило раз и навсегда на все вопросы... : молнией...

Тра-та-та-та-там!

Матвей очнулся ото сна: «Ох, что еще! М... Кажется опять уснул перед телевизором».

Тра-та-та-та-там!

– Ну кто еще там! – крикнул он в сторону крыльца.

Тра-та-та-та-там!

– Иду!

Тра-та-та-та-там!

– Чего долбить, не всемирный же потоп.

Тра-та-та-та-там!

– Да иду я! – и с этими словами он открыл дверь.

Тотчас мокрые брызги полетели ему в лицо и в комнату ворвалась Тоня Соловьева с криками: «КОСТИК Пропал!»

– Что, – не понял Матвей.

– Мой внук, Костик, который из города приехал, пропал! – сквозь слезы причитала Тоня.

– Как?

– Часа три назад пошел погулять, гроза началась, а его все нет и нет! НЕТ и НЕТ!

– Да поди грозу где-нибудь пережидает, кончится, вот и придет. – попытался неуклюже успокоить её Матвей.

– Да случилось с ним что-то, я чувствую!!! – и она снова заревела.

– Куда он пошел?

– Не знаю, он у меня все про озера выспрашивал, а потом сорвался и побежал гулять, даже зонта не взял!!!

– Понятно. Да, найдем мы твоего Костика, не реви. Ты пока посиди у меня, Агафья придет, ей все расскажешь. А я поехал народ собирать, – и с этими словами он прыгнул в сапоги, набросил плащ, выбежал из дому, вывел из гаража «Урал», и поехал по деревне.

Через полчаса с десятков мотоциклов под руководством Матвея Митрохина уже катили в сторону озер. Дождь лил сплошной стеной, и из-за него ничего не было видно. И в тот самый момент, когда они уже подъезжали к озерам где-то впереди ударили молнии...

Такого светопреставления Матвей не видел никогда... Тысячи тонких молний враз сверкнули и соединились в один ровный столб. Тракторы, КАМАЗы, бульдозеры искрились и светились, и видно было, что никого живого уже нет там. Колонна как по команде остановилась и затихла.

Когда все кончилось Матвей оставил всех в стороне, а сам поехал на место. Серое марево, пар идущий от земли, запах смерти, ни звука, ни искры, мертвые машины и пепел человеческих тел, и ужас застыл на глазах Матвея, ибо понял он, что природа рассердилась на людей не на шутку и жизнь их станет теперь иной.

Знамение

I

Стоял горячий август, горячий не только от температуры царившей в Тогуре, но и от напряженных рабочих дней. Сенокос, шишки, ягоды, что ещё надо деревенском мужику. Раздолье, воля, свобода... Хорошо бродить по кедровому лесу, под сенью могучих деревьев; или в поле после дня тяжёлой работы прилечь на стог, открыть широко глаза и говорить с космосом о вселенских проблемах. Пусть себе ученые думают, что это никого кроме них не интересует. Интересует да ещё как...

Соберутся старики да мужики во дворе бабки Агафьиного дома, раскурят трубку мира, и давай браниться: есть другая жизнь во вселенной, или нет другой жизни во вселенной. Переругаются, перессорятся и разойдутся, матеря всех чертей, каких знают. А бабки лишь смеются вслед. Знают ведь, что завтра рано утром, когда еще хозяйки не встали коров доить, пойдет дед Тихон к деду Матвею, просить прощения; Пашка Митрохин схватит бутылку выгнанной к яблочному спасу самогонки, побежит собирать и опохмелять, пивших вчера с перебранки дедов; а древний Пётр, даже и не вспомнит, что вчера клялся застрелить Силантия Митрохина. Вот помирятся все и дружно погонят коров на пастбище, а вечером все сначала. Стоял горячий август.

Поздним вечером мальчишки, кто посмелей да постарше, оставались гулять на улице без родителей. Выберут уголок по укромней, подальше от дворов, где собирались в это время взрослые, сядут на какую-нибудь лавку, задерут голову вверх и ловят звезды. Один увидит, как звезда падает, кричит: «Звезда! А!», – и тычет пальцами в усыпанный бриллиантами лоскут звездного неба.

– Где?– спросят остальные.

– Да вот же, вот! Летит!... Смотрите, летит!

– Где?

– Вон!

Но только одна пара глаз видела, как секунду назад из этого звездного покрывала упала слезинка на вечную матушку землю, растаяв в ее теплых радушных объятьях.

– Здорово, – скажет кто-то, и снова глазами в небо ловить счастье. Стоял горячий август...

Душным днем, когда воздух накалён до предела и чувствуется приближение грозы, деревенские мальчишки бегут босиком наперегонки до Волокового озера. Только пятки сверкают над раскаленным асфальтом. Добегут, и, не снимая одежды, ныряют в его горячие воды. Прыгают, играют в чехарду, в салки, да во всякие другие игры, в которых взрослым и не разобратся. Кто попроворнее, да побыстрее занимают плоты и понтоны и начинают с них крутить перед девчонками фигуры «высшего водного пилотажа». Те, кто повзрослей, учат плавать малышей: посадят шестилетнего крепыша на плот, отвезут подальше от берега, где он ногами не сможет за землю уцепиться, и сбрасывают в озеро. Дети хоть и боятся, но соглашаются, а как тут не согласишься, когда на тебя пол деревни смотрит, стыдно ведь будет, потом своим друзьям в глаза смотреть. Радуетса детвора, но только ударит гром в небе о свои бубенцы, пойдет поливать дождем весельчаков, пулей вылетят из озера, и босиком, по мокрому асфальту пойдут домой.

Стоял горячий август...

Покосникам и работать в удовольствие: работа то туда, то сюда, катается передними яблочком, на блюдечке с золотой каёмочкой. Одни косят, другие веники ломают; потом другие

косят, третьи травы лечебные собирают. А дети, они и есть дети. Хоть покос, хоть не покос, где бы чего интересное найти, да как бы куда забраться. Поработает Сашка, Пашки Митрохина сын, час, два – устанет. А как устанет, сядет отдохнуть, а как отдыхать, так на луг пойдет бабочек ловить, или уток на ближайшем озере смотреть.

Пока бежит до озера, мечтает: «Вот найду уток, скажу папе, папа обрадуется и даст мне ружье в утку стрельнуть...» А сам – прибежит на озеро, увидит утку, сядет и смотрит. Так и сидит, пока кто-нибудь из покосников, потеряв ребенка, не будет кликать его. Сашке и идти то неохота, да только вот утка, услышав голос, улетела непонятно куда. «Красивая...» – думает Саша, бежит на стан и весь день не разговаривает с тем, кто спугнул утку.

А вечером, забирается к отцу на стог и ложится рядом, звезды ловит: «Наловлю, завтра ребятам расскажу, вот завидно будет». Так и засыпает. А отец бережно снимет его со стога и отнесет в балок на стане.

Стоял горячий август...

Комара да гнуса всякого под вечер много. Жужжат, собираются мошки, комары да слепни в стаи и нападают на незащищенных людей, да только деревенским все равно, привыкли. Чуть только ветер или дождь, детвора валом валила на улицу.

Августовские дожди и те теплые. Ровно ложатся на землю из черных кудрявых грозных тучек, искрящихся тонкими молниями. Редкие дожди этого августа были сильные, проливные, точно плачет небо по большому горю, а может и правда плачет: за душу сиротскую...

Стоял горячий август...

II

Сашка Митрохин с детства был отцовским ребенком, рос без матери. Растил его отец во всей строгости христианского воспитания, так как сам был человеком набожным. В шесть лет парня отдал в школу, смотреть за ним было некому, да и Сашка сам хотел учиться.

Целый год корпел Сашка над Букварем и Арифметикой, писать да читать учился. Жутко ему это нравилось, но еще больше нравилось с отцом в лес за грибами да за ягодами ходить. Это для папы тайга, как тайга, а для Сашки с его росточком, это был настоящий дремучий лес. Чудилось ему, будто за корягой спрятался леший и звал его в свое лесное царство, казалось что в болоте кто-то надрывно плачет, а стоило только потерять из виду отца мерещилось словно все деревья вокруг бегают и смеются, но все это отступало, стоило ему вдохнуть всей грудью свежий лесной воздух. Хорошо было в лесу, Сибирью пахло. А может и не Сибирью, просто пахло чем-то особым, но Сашка еще не знал, как пахнет свобода и воля, и потому называл это просто – Сибирью, могущественным и необъятным для него словом.

Весь июль хозяйничал Сашка в огороде, урожай готовил, а начале августа взял его отец на покос, на Верхнее озеро, мужикам помогать. Пашка конечно понимал, что из сына покосника никакого, а взял его, чтобы он был на глазах, да и отдохнул от огорода. Сашка же ходил, задрав нос, и говорил мальчишкам, мол, без него мужики не справляются, и он, Сашка, поедет им помогать сено косить. Хоть толком он пока еще не знал, как это делается.

Разбудил Пашка сына на рассвете, когда пропели первые деревенские петухи:

– Вставай, Саш, ехать пора.

– Я сейчас, пап, – отвечал спросонья Саша и переваливался на другой бок.

– Давай, давай, скоро дед Силантий за нами подъедет.

Нехотя выбирался Саша из своей теплой постели, и еле продрал глаза, шел умываться. Кое-как выпивал стакан горячего чая. К тому времени, как он выходил на улицу, отец уже заканчивал грузить их пожитки. Он забирался в телегу и снова засыпал.

Солнце было уже высоко, когда они добрались до места. Еще издали, завидев стан, Сашка встал на ноги и, качаясь, пытался рассмотреть знакомых: вон дед Матвей деловито колдует над костерком, а Васька, папин брат, куда-то пошел с ружьем и пегой спаниелихой Бертой, верно на озеро уток бить. А вот третьего, немного страшного, косматого мужика Сашка видел впервые, это был Кирюха из Озерного, младший сын деда Матвея.

Дед Силантий не стал подводить кобылу слишком близко, а привязал её к дереву, одиноко стоящему в поле, недалеко от стана. Недолго думая, Сашка спрыгнул с телеги, схватил мешок с палаткой, который был с него ростом, взвалил его на спину и понес.

– Куда ты? – изумился Силантий, – обожди, я помогу.

– Не тронь, – сказал Паша, – ничего с ним не будет, пусть учится, мужиком вырастет.

– Ну, ты, Паша, даешь – хмыкнул Силантий, – ты уж не гоняй его сильно, мал еще.

– Ничего, мой отец меня так учил, и я его так же буду, чтоб толковым вырос.

– Ну, как знаешь.

Паша с Силантием взяли по два мешка и пошли следом. Подходят, а Сашки нигде не видно.

– А где сын-то мой? – спросил Паша

– Муравейчик-то, который мешок тащил?

– Ну

– Вон, уже в реку блесёнку бросил, – усмехнулся Матвей и добавил, – правильный мужик растет, мне-то уж поверь, я сам двоих вырастил.

– Папа! Папа! – раздался с реки Сашкин голос – Папа смотри!

Паша встал на яр и посмотрел на берег: Сашка держал на леске щуку в половину себя ростом, а та вся извивалась, пытаясь слететь с крючка.

– Молодец! Только смотри, не упусти, – улыбнулся отец

Не успел он это сказать, как щука сорвалась и прыгнула в воду, а Сашка, не удержав равновесие, полетел за ней. Упал, и тут же пулей выскочил на берег, точно ничего и не было. Мужики дружно разразились хохотом.

– Ну что? Искупался, Муравейчик? – крикнул дед Матвей, – иди к огню, погрейся, да чаю со смородяжника попей.

Пока сушились Сашкины вещи, он, хлюпая носом пил горячий чай, и слушал байки, которые травил мужикам, уже с утра заквасившийся Матвей.

– Выхожу я, значит, на дорогу, снег скрипит под снегоступами, а вокруг ни звука. «Странно», – думаю я. Остановился и прислушался: тихо. Не по себе мне стало, ох не по себе. И я медленно, да спокойно, чтобы лишний раз не шуметь, начал выбираться из леса. Прошел всего ничего, и тут на меня прямо из—за кедры большая медведица выходит. Встала посреди дороги, воздух нюхает, и хвала богу, что ветер дул от неё ко мне, а не наоборот, а то не сидел бы я сейчас здесь. Пока она голову вверх подняла, я медленно потянул ружье к себе; раз, а патронов нет, извел все на мелочевку всякую.

Я замер, моля бога, чтобы не почувяла меня. Но тут, как назло, за моей спиной мелькнул заяц, и с таким треском рванул в кусты, что медведица резко повернулась в мою сторону и побежала на звук. Я схватил первое, что попало в руки, свой охотничий нож, и у меня оставался только один шанс. Медведица набежала, поднялась на задние лапы, и тут я ударил, ударил снизу вверх, точно в сердце. Она, лапой врезалась мне в бок, и этим спасла меня от смерти под весом в три центнера. Я вылетел из под падающей туши, как пуля из ружья, и рухнул в снег...

Глянул Пашка, а сынишка то его пригрелся у костра и уснул.

– Смотрите, разморило Муравейчика, – улыбнулся Матвей, – нехорошо ему тут будет спать, голову напечет. Ты носи его, Паша, в балок. Я вам там еще вчера вечером место определил.

Паша взял сына, отнес в балок, положил на настил и вернулся к мужикам:

– Ладно, поехал я на гриву, покошу, а вы тут хозяйничайте. Сашка проснется, с чаем ко мне пришлете.

– Пришлем, коль проснется.

Вскочил Паша в трактор, завел его. Заурчал, загудел железный, затрясся и медленно, в развалку покатил в сторону гривы, блестя ножами на солнце.

Часа через два Сашка проснулся оттого, что кто-то соломинкой водил у него по губам, он приоткрыл один глаз и улыбнулся: Васька стоял передним и жмурился от солнца, бьющего в окно.

– Давно пришел? – протянул Саша

– Только что. Айда, у меня кое-что для тебя есть.

Вслед за Васькой Сашка выбрался из балка и пошел в сторону берега.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.